

МАЛОМЕТРАЖНЫЙ МИР

Врастая в грунт кредитов и квартир,
Ложась на дно районов многоспальных,
Мы создаем малометражный мир
Настольных пятен, надписей на скальных.

Насыщенный досуг, насущный хлеб.
В конце тоннеля — свет настольной лампы.
Теряясь в вышине, опоры ЛЭП
Несут равнину неба, как атланты.

Не жалко дни, как серые листки,
Срывать с дешевой календарной кроны.
Не страшно плыть в течении реки
В тоске провинциального перрона.

Но вынырнешь — а ночь так молода!
Висит звезда — холодный света сгусток.
Высоковольтный ветер в проводах.
И пусто, и светло.
Светло и пусто.

* * *

Солнца осеннего дали на сдачу —
День в одни руки. Шуршали монетки.
Мир в октябре бесконечно прозрачен,
Воздух нанизан на голые ветки.

Шаг — это шелест. Подденешь ботинком —
Сыплются рыжие тонкие тени.

Время растянута, как паутина
На волосах иссушенных растений.

Шаг — это шепот: скучаю — ну что ты...
Тихий салют над ступенями сада.
Над твоим домом летят самолеты.
Низко.
Наверное, к снегопаду.

РО-ЖД-ЕСТВО

И часть дороги в частный сектор
Лежит сквозь рельсы-провода,
Где мерзнет в темноте прожектор,
Как Вифлеемская звезда,

Лежат сугробы, сгорбив спины,
Дома до крыши проглотив,
И криком слышится ослиным
Издавека локомотив.

И вот он — свет, и крест оконный,
Вокзал, всеобщий и ничей,
Барак, поселок Станционный
И тополь с гнездами грачей.

Снаружи холодно и ясно.
Вокзал, гостей в себя впусти!
Тепло Младенцу, словно в яслях,
Лежать у города в горсти.

Грохочет скорый — мимо, мимо,
Но все слетаются, кто знал,
И семафоры серафимам
Дают посадочный сигнал.

МНЕ ПЯТЬ ЛЕТ

Мне пять лет, я сквозь звезды плыву на своей постели.
Наяву очень много того, что не в самом деле.
Почему я живу в этом странном неловком теле?
Почему я смотрю на свет из его глазниц?
Для чего оно мне? Я не помню, и думать жутко:
Если тело — вещь, то прочее тоже хрупко.
Небо может хрустнуть, как тоненькая скорлупка,
И безбрежный холодный космос польется вниз.

Я обычный ребенок, похожий лицом на папу,
Но со мной говорят скрипом двери и стуком — шкапы,
Я боюсь отвечать, чтоб не попасть к ним в лапы.
Я боюсь смотреть в зеркала, где не видно глаз.

Я ребенок, не верящий взрослым ориентирам.
Я приемник еще неведомых мне эфиров.
Я никак пока не могу примириться с миром,
Даже зная, что я живу в нем не в первый раз.

ТОНКОЛУНИЕ

Тонколуние. Ветка сжимает в руке цветок.
На ладони цветка спит зеленый блестящий жук.
Среди трав колыхается медленный тихий звук:
Юный папоротник раскручивает виток.

Сочный воздух дрожит зеленым сырым теплом.
Плавно сук качнется, пригнется слегка трава —
Словно серая шаль, бесшумно взлетит сова
И заденет месяц мягким большим крылом.

Тонколуние. Ночь отступает, лежит роса.
Сладковатая капля целует цветок в глаза.

* * *

Слова летят вперед, их так легко сказать,
Поскольку наш язык напоминает птичий.
По небу — вертолет, навстречу — стрекоза,
И общего у них чуть больше, чем различий.

Протяжный след баржи разрежет реку вдоль,
Но зарастет водой — покажется виденьем.
Так мы стремимся жить, переступая боль,
И учимся летать, преодолев паденье.

Слова летят на свет, закат на волоске,
На золотом виске, как в лампочке, горящий.
И прожитого нет, как следа на песке,
И будущего нет.
Мы дышим настоящим.